

© 2017 г.

**А.М. ЕРМАКОВ**

## **«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНТИСЕМИТ» ЮЛИУС ШТРЕЙХЕР**

*Ермаков Александр Михайлович — доктор исторических наук, проректор по учебной работе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).*

Нацистский гауляйтер Франконии (земля в Северной Баварии) Юлиус Штрейхер был одним из самых одиозных руководителей Третьего рейха, приобретшим дурную славу в качестве издателя и редактора еженедельника «Штюрмер» («Штурмовик»), которому было суждено почти на четверть века стать главным рупором агрессивной антисемитской пропаганды в Германии.

Упрямством, склонностью к порнографии, тщеславию, грубостью и несносным характером Штрейхер нажил себе множество врагов в нацистской иерархии, однако всегда пользовался уважением и протекцией Гитлера, который полностью разделял его фанатичную ненависть к евреям. Штрейхер носил на шее фигурку повешенного раввина и с гордостью называл себя «профессиональным антисемитом». Он, как никто другой, олицетворяет человеконенавистническую сущность немецкого нацизма, ксенофобию и звериный, расово-биологический антисемитизм.

### **СЫН УЧИТЕЛЯ, УЧИТЕЛЬ И СОЛДАТ**

Биография Штрейхера была типичной для многих местных руководителей нацистского движения. Он родился 12 февраля 1885 г. в Швабии, в небольшом городке Фляйнхаузен, расположенном близ Аугсбурга. Юлиус был девятым, последним ребенком в католической семье учителя сельской школы Фридриха Штрейхера и его жены Анны, в девичестве Вайс. Юлиус рассказывал: «Мое рождение было особенным. Так как я не подавал признаков жизни, то справа и слева от моей маленькой головы зажгли две свечи, и мать вместе с акушеркой произнесла молитву о том, чтобы господь вновь забрал меня к себе». Но во время срочного крещения ребенок начал дышать, и поэтому на четвертый день своей жизни его окрестил местный пастор. Когда крестный, один из братьев отца, спросил об имени ребенка, церемонию пришлось прервать, поскольку об этом до сих пор никто не задумывался. Тот же крестный предложил назвать мальчика в честь Римского папы Юлиуса II, и отец без долгих размышлений согласился<sup>1</sup>.

Семья Штрейхеров жила скромно — учительского жалованья едва хватало, и отец подрабатывал органистом, ризничим и писарем церковной общины. Мать обстиривала семью священника и в благодарность иногда получала яйца, муку и мясо. Сельский учитель не пользовался большим авторитетом, и Юлиусу казалось, что деревенские мальчишки смеются над ним. Никто из братьев и сестер — а их из девяти осталось семеро (Софи, Фриц, Йозеф, Анна, Августа и Макс) — не питал большой

---

<sup>1</sup> Roos D. Julius Streicher und “Der Stürmer” 1923–1945. Paderborn, 2014, S. 30.

любви к самому младшему. Только мать, не забывавшая, как родился Юлиус, дарила ему особую заботу<sup>2</sup>.

Родители отдали мальчика в католическую восьмилетнюю народную школу. Но родителям и учителям не удалось заложить в Юлиуса веру в Бога. Уже в 60-летнем возрасте Штрейхер заявлял, что «немало передумал насчет сотворения мира Богом. И при этом всегда задавал себе один и тот же вопрос: коль мир этот создан Богом, кто же в таком случае создал самого Бога? Как видите, если слишком долго над этим задумываться, недолго и в дурдом угодить. И вся эта тяготища о евреях Христе, сыне Божьем, не знаю, уж очень все это смахивает на пропаганду»<sup>3</sup>.

Отец пользовался в семье большим авторитетом и уважением. Двое братьев Юлиуса и одна из сестер стали учителями, а две другие сестры вышли замуж за учителей народных школ. По окончании школы Юлиус тоже пошел по стопам отца и в 1903 г. полностью прошел курс двухгодичного Баварского королевского учительского семинара в Лаунгенге, получив профессию учителя народной школы. В выпускном свидетельстве говорилось, что «Штрейхер, учитывая его весьма посредственные задатки, должен трудиться с еще большей серьезностью и упорством, чтобы добиться в отдельных предметах лучших результатов. Его знания по математике почти неудовлетворительны. Его поведение было в целом удовлетворительным. Во время контрольного урока Штрейхер рассказывал увлекательным учительским тоном, демонстрировал стремление к основательности и установил в классе хорошую дисциплину. Но все же следует привлекать к работе на уроке всех учеников в равной мере»<sup>4</sup>.

С 1904 г. Штрейхер работал в Швабии внештатным сельским учителем, заменявшим заболевших учителей сразу в нескольких школах. Один сельский пастор записал в хронике своего прихода: «Прилежный, энергичный учитель с очень хорошими способностями, отличными успехами на уроках и образцовым поведением в школе и вне ее. Прилежно посещает пасторские богослужения и, обладая хорошим тенором, старательно поет в церковном хоре»<sup>5</sup>. Через три года Штрейхер сдал экзамен на звание учителя, обеспечив себе скромное, но безбедное и надежное будущее государственного чиновника.

Получив диплом, он записался добровольцем для прохождения сокращенной одногодичной военной службы во 2-м Баварском пехотном полку. В то время служба в армии считалась необходимым условием становления каждого немецкого мужчины, а Штрейхеру, имевшему учительское образование, она давала право претендовать на звание лейтенанта резерва, что еще больше повысило бы его общественный престиж. Однако на этот раз амбициозного солдата подвели нежелание подчиняться дисциплине и несдержанность. Штрейхер попал под трехдневный арест, а в его личном деле появилась запись о неспособности к офицерской карьере.

Вскоре после демобилизации Штрейхеру удалось получить место в Нюрнберге, где он преподавал сразу в двух школах — для мальчиков и для девочек. Одной из учениц новый учитель запомнился таким: «Он являлся на уроки в необычной для того времени одежде: кавалерийские сапоги, брюки для верховой езды и хлыст. Приветствуя нас, он бил хлыстом по партам. Нас пугали припадки ярости, во время которых он бросал чернильницами в классную доску и разрывал на куски свои носовые платки. Без всякой причины он выдергивал девочек из-за парты за волосы и приказывал им стоять в углах класса»<sup>6</sup>. В феврале 1914 г. окружной школьный инспектор посетил уроки Штрейхера и оставил отчет, в котором говорилось: «Состояние класса — нормальное. Учитель дает добросовестный и увлекательный урок.

<sup>2</sup> Ibid., S. 31.

<sup>3</sup> Гилберт Г. Нюрнбергский дневник. М., 2012, с. 77.

<sup>4</sup> Pöggeler F. Der Lehrer Julius Streicher. Zur Personalgeschichte des Nationalsozialismus. Frankfurt a.M., 1991, S. 26–27.

<sup>5</sup> Roos D. Op. cit., S. 35.

<sup>6</sup> Pöggeler F. Op. cit., S. 29.

Ученики в целом прилежны и аккуратны! Но примерно 12 учеников (из 53. — А.Е.) пришли в школу после 8 часов. Надо постоянно придерживаться абсолютной пунктуальности»<sup>7</sup>.

В октябре 1913 г. Штрейхер вступил в брак с дочерью булочника Кунигундой Рот. В браке родилось двое сыновей — Лотар 2 января 1915 г. и Эльмар 16 марта 1918 г. Жена Штрейхера умерла в декабре 1943 г., и в мае 1945 г. он женился на своей секретарше Адель Меркель, урожденной Таппе.

Новой вехой в биографии будущего нациста стала Первая мировая война. 4 сентября 1914 г. он был зачислен в 6-й Баварский пехотный полк и всю войну провел на передовой, в основном на Западном фронте. Штрейхер был награжден Железным крестом II и I класса, австро-венгерским Серебряным крестом за заслуги и баварским орденом За боевые заслуги. 31 июля 1917 г. он был произведен в лейтенанты резерва (без патента). Осуществление этой мечты стоило Штрейхеру довольно больших усилий. Стать офицером в Германской империи было нелегко — помимо безупречной характеристики нужно было располагать определенным доходом. Ежегодное учительское жалованье Штрейхера, 3420 марок, составляло недостаточную для этого сумму. Однако его брат Йозеф дал письменное обязательство выплачивать Юлиусу дотацию в размере 500 марок<sup>8</sup>.

Сразу после подписания между Антантой и Германией Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. Штрейхер был демобилизован и возвратился в Нюрнберг, где вновь стал учительствовать. По воспоминаниям одного из учеников, в 1920 г. Штрейхер «еще не носил гитлеровских усов. Он был невысоким, немного тучным, с толстым затылком и толстой нижней губой, свинными глазами и лысиной». Прежде чем предстать своим ученикам, новый классный руководитель провел «расовый учет», в результате которого выяснилось, что в классе учатся тридцать два «хороших немецких мальчика» и три еврея. Учитель подвергал евреев унижительным оскорблениями и издевательствам, граничившим с пытками. Он пинал школьников-евреев, вытаскивал их за уши из-за парты и держал на весу, натравливал на них других детей. Воспитание ненависти не прошло бесследно — «хорошие немецкие мальчики» на улице закидывали своих «неарийских» соучеников камнями и лошадиным пометом. Евреям приходилось пробираться в школу окольными путями, а на переменах прятаться в туалете.

Атмосферу, царившую среди учителей и чиновничества Веймарской республики, характеризует тот факт, что жалобы родителей учеников-евреев никак не отразились на учительской карьере Штрейхера. Более того, в 1922 г. он получил звание главного учителя, что давало ему должностной оклад в 3960 марок и право быть директором небольшой народной школы<sup>9</sup>.

Как и многие другие ветераны Первой мировой войны, Штрейхер считал, что Германия проиграла противоборство странам Антанты из-за предательского «удара кинжалом в спину», нанесенного «ноябрьскими преступниками»-евреями. С декабря 1918 г. он начал посещать собрания разных политических групп и партий, в том числе собрания коммунистов, и повсюду ввязывался в дискуссии. Особенно по душе ему пришлись антисемитские и антикатолические выступления на собраниях, еженедельно проводившихся в ресторане «Культурферайн». Штрейхер начал целенаправленно читать антисемитскую литературу: «Справочник по еврейскому вопросу» Теодора Фрича, произведения Хьюстона Стюарта Чемберлена и Поля де Лагарда. На одном из политических собраний в 1918 г. молодой учитель, повинуясь «внутреннему голосу», вышел на трибуну и принялся доказывать, что в результате Ноябрьской революции власть в стране захватили «евреи и их друзья» — они

<sup>7</sup> Ibid., S. 43–44.

<sup>8</sup> Reichstagshandbuch, VI. Wahlperiode 1932. Berlin, 1932, S. 307.

<sup>9</sup> H. S.D. Streicher war mein Lehrer. Erinnerungen an den “Frankenführer” Julius Streicher. — Aufbau, I.VI.1945, S. 1, 3.

руководили центральным правительством в Берлине и земельными правительствами: «В моей родной Баварии премьер-министром был польский еврей по фамилии Эйсер-Космановский». После второго выступления ему предложили записаться в антисемитскую и националистическую организацию Немецкий народный союз защиты и борьбы<sup>10</sup>.

## НАЦИСТ И ИЗДАТЕЛЬ «ШТЮРМЕРА»

По официальной легенде, весной 1920 г. члены нюрнбергской ячейки Германской социалистической партии (ДСП) — а многие из них входили в Немецкий народный союз — предложили Штрейхеру вступить в ее ряды. 25 апреля 1920 г. в Ганновере был проведен первый съезд ДСП, на котором Штрейхер был избран в правление партии и внесен в список партийных кандидатов на выборах июня 1920 г. в рейхстаг. Здесь же было принято решение создать собственный печатный орган, и вскоре Штрейхер основал свою первую газету «Немецкий социалист». Однако начинающий издатель был никудышным коммерсантом: через год газету пришлось закрыть<sup>11</sup>.

После Первой мировой войны в Германии возникло множество националистических партий и групп, в том числе и Национал-социалистическая германская рабочая партия (НСДАП). Гитлеру, захватившему в этой партии лидерство, нужна была любая поддержка. В такой обстановке как нельзя кстати пришлось вступление Штрейхера и его сторонников в НСДАП. Это произошло 20 октября 1922 г. Таким образом численность пока еще небольшой нацистской партии почти удвоилась<sup>12</sup>. Впоследствии Штрейхер преднамеренно искажал события, представляя дело так, что с восторгом присоединился к нацистскому вождю после первого же услышанного им выступления. Историки полагают, что в действительности одним из важнейших мотивов поступка Штрейхера был воинствующий антисемитизм Гитлера. В свою очередь, нацистский вождь в 1921–1922 гг. обхаживал Штрейхера «не только потому, что хотел использовать его популярность в собственных целях, но и потому, что чувствовал себя связанным с ним одними и теми же комплексами ненависти и бредовыми представлениями»<sup>13</sup>.

20 апреля 1923 г. Штрейхер выпустил в Нюрнберге первый номер еженедельника «Штюрмер» («Штурмовик»). На следующий день он принес на урок 32 экземпляра своего издания. Газету весь класс должен был читать хором, в то время как мальчики-евреи неподвижно сидели, опустив глаза и положив руки на парты. «Содержание “Штюрмера”, несмотря на его несколько замаскированные порнографические тексты, было понято девятилетними школьниками в том смысле, что евреи были сволочами. В статьях речь шла большей частью о жирных, богатых евреях-ростовщиках, которые насиловали чистых немецких девушек. Тогда я впервые услышал слово “изнасилование”, не поняв его смысла», — вспоминал бывший ученик Штрейхера. Когда один из мальчиков-евреев пошевелился, учитель прорычал: «Встать, еврей Вайнберг! Встань у двери своей еврейской мордой к стене и положи лапы на свою свиньячью голову». Мальчик, дрожа, повиновался под одобрителное рычание класса, и чтение “Штюрмера” продолжилось. Как только наказанный школьник вновь пошевелился, он получил сильный пинок кавалерийским сапогом учителя. После жалобы родителей обиженного ученика и его перевода в другую школу Штрейхер изменил «методику» уроков: отныне один учащийся вслух читал «Штюрмер», а остальные хором повторяли каждое проклятие в адрес евреев.

<sup>10</sup> Trial Of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal (далее — IMT), v. XII. Nürnberg, 1949, p. 308.

<sup>11</sup> Roos D. Op. cit., S. 58.

<sup>12</sup> Streicher J. Kampf dem Weltfeind. Reden aus der Kampfzeit gesammelt und bearbeitet von Dr. Heinz Preiß. Nürnberg, 1938, S. 17.

<sup>13</sup> Фест И. Гитлер. Биография, в 3-х т., т. 1. Пермь, 1993, с. 224.

В газете «Штюрмер» публиковались материалы о преступлениях, совершенных евреями или приписываемых им, о судебных процессах против них, о скандалах, связанных с евреями, деньгами и сексом. Время от времени наряду с «типичным евреем» на страницах штрейхеровского еженедельника появлялись другие стереотипные образы врага: иезуиты, свидетели Иеговы, социал-демократы, коммунисты, масоны, негры. Штрейхер регулярно писал статьи для «Штюрмера»; в поле зрения еженедельника попадали и церкви как учреждения, якобы находившиеся под влиянием еврейского мировоззрения. В годы расцвета издания его тираж приближался к 500 тыс., а специальные выпуски достигали 2 млн экземпляров. Последний номер еженедельника увидел свет 22 февраля 1945 г. Особое внимание Штрейхер уделял идеологической обработке немецкой молодежи. В издательстве «Штюрмер» вышли в свет пособие для учителей «Еврейский вопрос на уроках» и три детских книги, которые шокировали читателей своим порнографическим содержанием<sup>14</sup>.

В партии НСДАП Штрейхер отличался большой активностью. Он проявил себя как неутомимый оратор, который мог часами выступать на собраниях не только в Нюрнберге, но и по всей Франконии. Полицейский чиновник из Нюрнберга, наблюдавший за местными политическими агитаторами, в 1924 г. писал о Штрейхере: «Настолько же фанатичный антисемит, насколько выдающийся демагог, обращается только в абстрактных мирах. Реальная борьба на реальной почве дается ему с большим трудом. Благодаря своеобразной манере держать себя и ловким упоминаниям о своих прошлых заслугах, благодаря умелому использованию всякого рода сенсаций ему удается добиваться симпатии слушателей. Штрейхер — эффектная личность, которая хотела бы играть определенную роль. Он может и глазом не моргнув солгать по-крупному. Возможно, он и сам верит в собственную ложь»<sup>15</sup>.

## ФУНКЦИОНЕР НСДАП И ПУТЧИСТ

Штрейхер основал местные ячейки НСДАП в Эрлангене, Форххайме, Ипсхайме и Аугсбурге. Нюрнбергская группа нацистской партии стала центром, из которого идеи национал-социализма распространялись по всей Северной Баварии. Однако главе нюрнбергских нацистов было очевидно, что Гитлер ему не доверяет. На партийном съезде в январе 1923 г. «фюрер» не удостоил его даже взглядом, а затем отправил с проверкой в Нюрнберг тогдашнего главу штурмовых отрядов СА Германа Геринга. Гитлер объехал с выступлениями всю Франконию, но так и не показался в Нюрнберге. В свою очередь, Штрейхер не торопился докладывать вождю партии об основании новых местных ячеек; создавалось впечатление, что он сколачивает во Франконии собственную НСДАП, не зависящую от мюнхенского руководства.

Отношения между Гитлером и Штрейхером в корне изменились после «пивного путча» 8–9 ноября 1923 г. Утром 8 ноября коммерческий директор управления НСДАП Макс Аман от имени Гитлера вызвал руководство нюрнбергской партийной группы, в том числе и Штрейхера, в Мюнхен «на важное совещание». Когда тот появился в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», путч уже начался — Гитлер как раз объявлял состав «временного национального правительства». Для главы нюрнбергских нацистов, приглашенного всего лишь «на совещание», такой поворот дела стал полной неожиданностью. Тем не менее Штрейхер не раздумывая присоединился к мятежу, и Гитлер с готовностью принял предложенную ему помощь, назначив нюрнбергского нациста ответственным за агитацию<sup>16</sup>. Штрейхер объехал Мюнхен на грузовике в сопровождении вооруженных штурмовиков и четырежды с успехом выступил с речами. Всякий раз послушать оратора собиралась толпа, в завершение

<sup>14</sup> Streicher für die Kinder. — Neuer Vorwärts, 14.II.1937, S. 1.

<sup>15</sup> Roos D. Op. cit., S. 475.

<sup>16</sup> Streicher J. Op. cit., S. 24.

митинга восторженно исполнявшая «Песнь немцев»: «Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире».

Через несколько часов Штрейхер участвовал в марше нацистов к Залу полководцев («Фельдхеррnhалле»), во время которого мятежники были рассеяны. В 5 часов вечера 9 ноября он прибыл поездом в Нюрнберг, где был немедленно арестован и доставлен в управление полиции. Начальник караула поместил арестанта в лучшую камеру и разрешил жене передать ему подарок — букет роз и медовый пряник. Полицейские чиновники, проводившие допрос, составили протокол таким образом, что уже в ночь на 11 ноября Штрейхер был освобожден<sup>17</sup>.

Однако 18 января 1924 г. Штрейхер по распоряжению генерального комиссара Баварии Густава фон Кара был вновь арестован за участие в гитлеровском путче. Шесть недель, проведенных в Ландсбергской крепости-тюрьме, он скоротал за написанием писем, жалоб, рисованием и играми<sup>18</sup>. Участие в «пивном путче» и кратковременное заключение включали Штрейхера в нацистский пантеон «героев и мучеников Движения». Если отныне кто-нибудь в партии отваживался выступать против него, то он сразу вспоминал о своих «исторических заслугах» перед НСДАП. Благодаря «пивному путчу» между Гитлером и Штрейхером сложились особые отношения. «Я ведь во время мюнхенского путча шел плечом к плечу с ним в первых рядах, и он всегда помнил об этом. Он тогда в тюрьме сказал мне, что никогда мне этого не забудет. И не забыл. И я оставался верен ему», — рассказывал Штрейхер в ноябре 1946 г. американскому судебному психиатру Густаву Гилберту в нюрнбергской тюрьме<sup>19</sup>.

Участие в путче положило конец учительской карьере Штрейхера. По инициативе обер-бургомистра Нюрнберга социал-демократа Германа Луппе Штрейхер был временно отстранен от преподавания в школе с выплатой 2/3 прежнего учительского заработка<sup>20</sup>, а в 1928 г. окончательно уволен. Но Штрейхер не остался без средств к существованию — он научился зарабатывать на жизнь политической деятельностью: с 1923 г. он состоял в городском совете Нюрнберга, в 1924–1932 гг. был депутатом баварского ландтага, а в 1932–1945 гг. — депутатом рейхстага.

В Веймарской республике Штрейхер более 20 раз предстал перед судом в качестве обвиняемого в оскорблениях и клевете, ему 21 раз выносили приговоры<sup>21</sup>. Однако любое судебное разбирательство, даже если оно заканчивалось поражением, повышало популярность Штрейхера, что было особенно важно в период кризиса в нацистской партии после провала «пивного путча». Впрочем, многие судьи и чиновники Веймарской республики симпатизировали нацистам и разделяли антисемитские предрассудки Штрейхера. Для нюрнбергского юдофоба всякий раз находились «смягчающие обстоятельства». Так, 10 октября 1923 г. он был приговорен к штрафу в 10 млн марок или пяти дням тюремного заключения за клевету. Наказание могло быть и более строгим, но в обосновании приговора говорилось: «Обвиняемый как руководитель Национал-социалистической партии в борьбе против еврейства пытался вскрыть вред, который оно приносит. Суд убежден, что Штрейхер действовал не по неблагоприятным причинам, а исходя из искреннего политического убеждения»<sup>22</sup>. В октябре 1924 г. в Кобурге Штрейхер публично назвал местного обер-бургомистра Хиршфельда «плоскостопым крещеным евреем». Суд оправдал его, приняв за аксиому антисемитский стереотип, согласно которому «плоскостопие является физическим недостатком, особенно часто встречающимся именно у еврейской расы»<sup>23</sup>.

<sup>17</sup> Kipphan K. Julius Streicher und der 9. November 1923. — Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte, Bd. 39, 1976, S. 283.

<sup>18</sup> Das Führerkorps des Dritten Reiches. Bayreuth, 1937, S. 25.

<sup>19</sup> Гилберт Г. Указ. соч., с. 9.

<sup>20</sup> Reichstagshandbuch, VI. Wahlperiode 1932, S. 307.

<sup>21</sup> Julius Streicher 49 Jahre. — Völkischer Beobachter, 13.II.1934.

<sup>22</sup> Roos D. Op. cit., S. 96.

<sup>23</sup> Ibid., S. 116.

Пока Гитлер отбывал тюремное заключение в Ландсберге, многие партийцы, в том числе 10 из 14 депутатов рейхстага, переметнулись на сторону Грегора Штрассера. Однако Штрейхер сохранил верность «фюреру» и был убежден в конечном успехе гитлеровского движения. В письме, направленном одному национал-социалисту из Северной Германии, Штрейхер писал: «Нас “распустили”... Письменно могу сказать Вам только то, что мы делаем все, чтобы сплотиться еще теснее, чем прежде. Из-за постигшей нас неудачи наше движение только углубится. Это нужно ему, чтобы, в конце концов, достичь конечной цели... Мы должны твердо верить друг в друга и заботиться о том, чтобы каждый был своего рода вождем до тех пор, пока нас снова не возглавит Адольф Гитлер»<sup>24</sup>. Вместе с Альфредом Розенбергом и Германом Эссером Штрейхер основал «Великогерманское народное сообщество», которое не только сохранило позиции НСДАП в Мюнхене, но и распространило влияние этой партии на северную Баварию. После воссоздания гитлеровской партии 27 февраля 1925 г. Штрейхер получил партбилет за № 18, а вскоре был назначен гауляйтером (руководителем партийного округа НСДАП) Нюрнберга-Фюрта. В 1929 г. этот гау, расположенный в северной Баварии, получил название «Средняя Франкония»<sup>25</sup>. Постепенно Штрейхер сформировал вокруг себя команду приближенных, занимавших различные посты в управлении гау «Средняя Франкония» и влиявших на решения партийного руководителя округа. Почти все эти люди были судимы за мошенничество, лжесвидетельство, растраты и сексуальные преступления<sup>26</sup>.

Укреплению авторитета гауляйтера способствовали его ежегодные выступления на горе Хессельберг. Эта гора, расположенная на юго-востоке Франконии, была излюбленным местом прогулок и отдыха местного населения, а также местом проведения ярмарки. Штрейхер превратил это место в «священную гору франков», а празднества по этому поводу назвал «днями Франконии». В еще большей мере влияние Штрейхера возросло, когда в 1927 г. Нюрнберг превратился в город нацистских партийных съездов — «партийную столицу рейха». Расположение Нюрнберга в центре тогдашней Германии позволяло легко добраться сюда из любого уголка страны. Здесь имелось подходящее место для проведения съезда — роща Луитпольдхайн, а также возможности разместить участников мероприятия. Наконец, в Баварии не действовал запрет на выступления для Гитлера. Позднее, после прихода национал-социалистов к власти в Германии, была сконструирована историческая связь: Нюрнберг в прошлом — город имперских собраний (рейхстагов), а в настоящем — город партийных съездов (партайтагов)<sup>27</sup>.

Штрейхер считал себя вторым оратором в НСДАП после Гитлера и не раз использовал для обнародования нацистских взглядов трибуну баварского ландтага, что было особенно важно в 1925–1927 гг., когда вождю нацистов было запрещено выступать публично. За время депутатских полномочий Штрейхер постепенно наметил контуры будущей антисемитской политики Третьего рейха. Многие его расистские лозунги позднее, на этапе организационной и морально-психологической подготовки к массовому уничтожению евреев (1933–1941 гг.), были реализованы национал-социалистами. В частности, в 1924–1932 гг. он предлагал: отказываться от ведения международных переговоров, если иностранными представителями являются евреи; запретить немецким евреям представлять Германию в международных делах; запретить немецким евреям и немцам, женатым на еврейках, занимать должности в судебной системе; лишить немецких евреев гражданского равноправия; подчинить немецких

<sup>24</sup> Kipphan K. Op. cit., S. 284.

<sup>25</sup> Hüttenberger P. Die Gauleiter. Studie zum Wandel des Machtgefüges in der NSDAP. Stuttgart, 1969, S. 13.

<sup>26</sup> Roos D. Op. cit., S. 183.

<sup>27</sup> Tagebücher von Joseph Goebbels, Bd. I/III. München, 1987, S. 295.

евреев законам об иностранцах; обязать немецких евреев носить на верхней одежде желтую заплату; выслать всех евреев из Германии (в Палестину); экспроприировать собственность немецких евреев; покончить с «еврейским ростовщическим капитализмом (капиталом)»; запретить браки между «арийцами» и евреями; карать внебрачные связи между «арийцами» и евреями смертной казнью; в ходе медицинских проверок установить расовую принадлежность всех жителей Германии; принудительно стерилизовать еврейских женщин; запретить врачам-евреям лечить «арийских» пациентов; обеспечить раздельное школьное обучение немецких детей и детей еврейского происхождения; воспитывать еврейских детей в исправительных домах; ввести в школах и педагогических академиях учебный курс «расоведения».

Парламентская трибуна в Веймарской республике предоставляла широкие возможности для антисемитской пропаганды в ее вульгарном, погромном варианте. Депутатский мандат гарантировал оратору-антисемиту неприкосновенность и обязательную публикацию речей за государственный счет. Фанатичная ненависть Штрейхера к евреям делала его невосприимчивым к враждебной реакции депутатов-антифашистов. Антисемитские импровизации Штрейхера, основанные на клевете, мифах и фальсификациях, отличались однообразием и изобиловали дословными повторами. Речи гауляйтера Нюрнберга-Фюрта в баварском ландтаге показывают, что нацистский антисемитизм, как коллективный проект всей верхушки гитлеровской партии, был основан на расовой доктрине нацизма и находился в тесной взаимосвязи с яростным неприятием политической демократии, христианской морали, модернизации и эмансипации. Неспособность первой немецкой республики эффективно противостоять юдофобской пропаганде развязывала руки непримиримым противникам Веймарской демократии — нацистам, подрывала легитимность Веймарской республики и стала одной из причин ее краха.

### «ФЮРЕР ФРАНКОНИИ»

Казалось, что после назначения Гитлера рейхсканцлером Штрейхер имеет все шансы на стремительную карьеру. Однако в отличие от многих других «старых бойцов» — ветеранов нацистского движения — он не получил значительного государственного поста. Время от времени за рубежом возникали беспочвенные слухи о предстоящем назначении Штрейхера полицай-президентом Берлина, министром здравоохранения, гауляйтером Большого Берлина (вместо Геббельса) и даже о его назначении на несуществующий пост рейхсляйтера по делам евреев<sup>28</sup>. Не получив государственной должности, Штрейхер стал называть себя «фюрером Франконии», хотя такого поста, во-первых, не было в нацистской партийной иерархии, во-вторых, часть исторической Франконии входила в состав гау «Баварская восточная марка»<sup>29</sup>.

Возможности Штрейхера влиять на общегерманские политические решения были равны нулю. Гитлера он видел, как правило, на конференциях гауляйтеров. Когда нацистский вождь приезжал в Нюрнберг для проведения очередного партийного съезда или по другим делам, Штрейхер был только участником совместных трапез, в которых, кроме него и Гитлера, принимали участие еще несколько человек. Штрейхер вспоминал, что только однажды встречался с «фюрером» с глазу на глаз в «Коричневом доме» (штабе НСДАП) в Мюнхене, но и тогда их беседа не касалась политики. «Все разговоры, которые я вел с Адольфом Гитлером, будь то в Нюрнберге, будь то в Мюнхене или где-то еще, происходили в кругу товарищей по партии», — сообщал Штрейхер суду Международного Трибунала<sup>30</sup>.

В марте 1933 г. нацисты закрепились у власти в Нюрнберге. Штурмовики под руководством Штрейхера захватили здание профсоюза рабочих-металлистов

<sup>28</sup> Julius Streicher an die Deutschen Berlins. — *Völkischer Beobachter*, 17.VIII.1935.

<sup>29</sup> Roth F.E. Julius Streicher. Der Bajazzo des Terrors. — *Pariser Tageblatt*, 3.XI.1934.

<sup>30</sup> IMT, v. XII, p. 314.

и типографию социал-демократической газеты «Френкише тагеспост». Давний враг Штрейхера обер-бургомистр от СДПГ Герман Луппе был заменен национал-социалистом Вилли Либелем. Теперь при всяком удобном случае Штрейхер повторял, что только он один пользуется правом отдавать приказания во Франконии и что никто не может снять его с поста гауляйтера<sup>31</sup>.

Получив реальную власть, Штрейхер сразу же перешел к практическим шагам против евреев. Уже в марте 1933 г. многие евреи Нюрнберга были арестованы и часть из них отправлена в концлагерь Дахау. По улицам города прогоняли «арийских» женщин и девушек, которые поддерживали отношения с евреями. Женщины были острижены, на шею им, как средневековым ведьмам, надевались «позорные таблички». Советский писатель Борис Полевой так передал свое впечатление от фотоснимка, сделанного во время этих диффамаций: «Вот Юлиус Штрейхер, этот патологический мракобес... толстый, процветающий, что-то издевательски кричит остриженным наголо девушкам, привязанным к ослам. На шеях у них — веревки, а на них висят картонки с надписью: “Я любила еврея”, и озверелая толпа с кулаками надвигается на них, едва сдерживаемая дюжими шупо (полицейскими. — А. Е.)»<sup>32</sup>.

### НЮРНБЕРГ — «ОБРАЗЦОВЫЙ АРИЙСКИЙ ГОРОД»

Штрейхер мечтал сделать Нюрнберг «образцовым арийским городом». Многие предпринятые им антисемитские меры послужили примером для всей Германии. Гауляйтер Франконии призывал вывешивать у входов в населенные пункты, парки, общественные здания таблички «не для евреев» или «евреи здесь нежелательны». В августе 1933 г. евреям было запрещено посещать городской плавательный бассейн и общественные бани, в 1936 г. еврейские дети были изгнаны из общественных школ и могли посещать только еврейские школы.

Сразу после выборов в рейхстаг 5 марта 1933 г. по Германии прокатилась волна еврейских погромов. Инициаторами бесчинств были местные партийные руководители, командиры нацистских штурмовиков и отрядов правой военизированной организации «Стальной шлем». Гитлер старался выдать эти бесчинства за спонтанные проявления «народного гнева», но его совершенно не устраивала подобная инициатива снизу — престиж нового правительства за границей страдал, доверие промышленников и финансистов к новому рейхсканцлеру пошатнулось. Обращенный к погромщикам призыв остановиться успеха не имел. Тогда нацистский вождь принял решение провести 1–3 апреля 1933 г. организованный бойкот еврейских магазинов под лозунгом «не покупайте у евреев» и издать несколько антисемитских законов. Руководителем антисемитской акции Гитлер решил назначить Штрейхера<sup>33</sup>. Кроме него в состав «Центрального комитета по защите от обвинений в зверствах и бойкоте со стороны евреев» вошли Карл Хольц, Генрих Гиммлер, Роберт Лей, Вальтер Дарре, Ганс Франк и некоторые другие функционеры НСДАП, пока не обладавшие государственными должностями. Такой состав позволял нацистскому вождю представить бойкот как партийную, а не государственную акцию. Фигура воинствующего антисемита Штрейхера в качестве руководителя комитета должна была оказать успокаивающее воздействие на погромщиков, вышедших из под контроля властей.

Первый день бойкота озаглаивался речью Штрейхера, утверждавшего, будто евреи — «нация кровопийц и вымогателей и их разоблачение во имя всего человечества выпало на долю немецкого народа». Нацистская пропаганда твердила, что эта антисемитская акция увенчалась полным успехом. Штрейхер позднее хвастался: «Одно можно сказать наверняка: за исключением незначительных инцидентов бойкот прошел

<sup>31</sup> Ibid., v. XXVIII. Nürnberg, 1949, p. 154.

<sup>32</sup> Полевой Б.Н. Собрание сочинений в 9-ти т., т. 8, кн. 3, 4. М., 1985, с. 524.

<sup>33</sup> Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Eine historische Darstellung in Tagebuchbältern. München, 1941, S. 288.

прекрасно. Думаю, не найдется ни одного еврея, который сможет возразить»<sup>34</sup>. Однако по мнению историков, бойкот нацистами еврейских товаров провалился. 1 и 2 апреля 1933 г. пришлось на субботу и воскресенье, когда многие лавки, магазины и бюро были закрыты. К тому же штурмовикам не всегда удавалось помешать клиентам «арийцам» посетить тот или иной еврейский магазин, врачебный кабинет или адвокатскую контору. В Берлине были отмечены случаи, когда генералы и офицеры рейхсвера с орденами на мундирах заходили за покупками в универмаги, хозяевами которых были евреи, тем самым открыто демонстрируя несогласие с нацистской политикой. Простые обыватели также не выказывали горячей поддержки нацистским пикетчикам и громилам (покупать в еврейских лавках было дешевле), немецкие промышленники были напуганы, а в иностранной прессе появились критические публикации.

Весной-летом 1935 г. была организована общегерманская пропагандистская кампания, участники которой ратовали за запрет сексуальных отношений между «арийцами» и евреями. Особой активностью отличались газеты «Ангриф» Йозефа Геббельса, «Вельткампф» Альфреда Розенберга, «Эксперт по евреям» Эрнста Пистора и, конечно же, штрейхеровский «Штюрмер». Зарубежным критикам антисемитских эксцессов Штрейхер отвечал: «Возвращайтесь в свой собственный дом, а уж потом беспокойтесь о нас. Если какую-то немку, забывшую о своем происхождении, ведут с табличкой на шее по улицам, то по всему миру это называется одинаково — погром! Но когда в Америке линчуют негра, когда коммунистов обмазывают дегтем и валяют в перьях, этим никто не интересуется. Нас не волнует, что происходит в Америке. Это — дело американцев. Но мы требуем, чтобы нас тоже оставили в покое»<sup>35</sup>.

Удивительно, что человека, считавшегося главным врагом евреев, власти Третьего рейха держали в неведении о подготовке антисемитских законов. 15 сентября 1935 г., в один из дней работы очередного съезда нацистской партии, Гитлер неожиданно вызвал в Нюрнберг всех депутатов рейхстага, которым предложил одобрить законы «О гражданстве рейха» и «О защите немецкой крови и немецкой чести». Первый лишал евреев гражданских прав, а второй запрещал браки и внебрачные связи между «арийцами» и евреями. Для Штрейхера расовые законы оказались полной неожиданностью; он рассказал Международному Военному Трибуналу: «Нас вызвали в зал, и мы не знали, что произойдет. По меньшей мере, я не имел никакого понятия. И вот были провозглашены расовые законы. Только там я узнал об этих законах, и я думаю, что господа, сидящие здесь в качестве пленных и которые тогда были на имперском партийном съезде, в том числе Гесс, испытали то же самое. Только на имперском партийном съезде мы узнали об этих законах. Я не участвовал в их разработке. Заявляю открыто, что воспринял как обиду то, что не был привлечен к консультациям по поводу этих законов»<sup>36</sup>. Тем не менее и в Германии, и за рубежом считали, что принятие антисемитских законов — это «заслуга» Штрейхера.

4 октября 1935 г. гауляйтер Франконии выступил с речью, которая была помещена в главном органе НСДАП газете «Фелькишер беобахтер» под заголовком «Охрана немецкой крови и немецкой чести». Именно так назывался один из Нюрнбергских законов. Как оказалось, Штрейхер отнюдь не считал еврейский вопрос решенным. На митинге в Кёльне 4 декабря 1935 г. он сказал: «Немка теряет свою честь, если она отдается мужчине чужой расы. Мы не проявляем неуважения к другим расам, но не потерпим, чтобы произошло нечто неугодное Богу... Несмотря на Нюрнбергские законы, евреи по-прежнему продолжают осквернение расы. Поэтому законы должны контролироваться народом. Будьте бдительны, еврей по-прежнему нарушает эти законы»<sup>37</sup>. Выступая на митинге нацистской молодежной организации Гитлерюгенд 30 января 1936 г., Штрейхер объявил: «Нюрнбергские законы не решили еврейский во-

<sup>34</sup> IMT, v. XII, p. 314.

<sup>35</sup> Gauleiter Streichers Appel. — Hamburger Tageblatt, 21.VIII.1935.

<sup>36</sup> IMT, v. XII, p. 316.

<sup>37</sup> Gauleiter Streicher in Köln. — Kölnische Zeitung, 6.XII.1935.

прос, потому что евреи хитростью обходят их. Поэтому антиеврейская акция должна продолжиться без перерыва»<sup>38</sup>.

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по всей Германии прокатился еврейский погром, получивший название «имперская хрустальная ночь». В Нюрнберге в эту ночь были убиты 9 евреев, 10 «покончили с собой», 160 арестованы и позднее отправлены в Дахау; была сожжена синагога на Эсвайнштрассе. На Нюрнбергском процессе против главных нацистских преступников обвинению не удалось доказать, что Штрейхер был одним из организаторов этого погрома. Согласно показаниям свидетелей, он узнал о происходящем в городе только тогда, когда бесчинства уже начались, и пустил дело на самотек. Вероятно, его поведение объясняется уязвленным самолюбием — во второй раз нацистское руководство предпринимало серьезные антисемитские шаги, не спросив его мнения. К тому же Штрейхер наверняка опасался, что слишком быстрое решение еврейского вопроса сделает излишней его антисемитскую агитацию, приносящую немалый доход. Он появился на людях только вечером 10 ноября, выступив на митинге в Нюрнберге со своими обычными лозунгами.

Гауляйтер Франконии приобрел скандальную известность по всей Германии благодаря своим диким выходкам-«штрейхериадам», неизменно получавшим широкую огласку. То он заставлял нюрнбергских прокуроров, чиновников, издателей и других уважаемых людей города копать на своей вилле пруд для уток, то принуждал журналистов танцевать на сцене кабаре в отместку за раскритикованную ими программу, то принимал высокопоставленных гостей, облачившись в плавки. Поведение гауляйтера по отношению к рядовым «арийским» жителям Франконии тоже не отличалось тактом и учтивостью. Он не стеснялся разглядывать людей с головы до ног и делать язвительные замечания об их внешности, избивал заключенных в городской тюрьме и неугодных ему горожан — прямо на рабочих местах.

В гау Франкония сложился культ Штрейхера. На улицах Нюрнберга гауляйтера часто приветствовали возгласами «Хайль Штрейхер!», он получил звание почетного гражданина не только в родном Фляйнхаузене, но и еще в ряде населенных пунктов Франконии, в его честь были названы школа, рабочий поселок, молодежное общежитие; в октябре 1935 г. городской совет Нюрнберга принял постановление об установке в зале заседаний бюста гауляйтера. Подконтрольная Штрейхеру местная пресса старательно подогревала культ гауляйтера. Будучи в зените своей славы и могущества, Штрейхер приказал разработать проект мавзолея на горе Хессельберг, где он хотел быть похороненным<sup>39</sup>. Одновременно среди партийных функционеров Штрейхер нажил себе множество могущественных врагов, которые презирали его за высокомерие, склочный характер и грубость. Они не раз отмежевывались от него, давали понять, что не разделяют его оголтелых антисемитских призывов, предназначенных для необразованных и некультурных обывателей<sup>40</sup>. Однако гауляйтер Франконии если и не одерживал верх во всех внутрипартийных дразгах, участником которых он был, то и не потерял расположения вождя. Обращаясь к имперскому шефу прессы Отто Дитриху, Гитлер сказал, что «примитивный метод Штрейхера — самый эффективный способ достучаться до маленького человека»<sup>41</sup>, а писателю Герману Раушнингу заявил: «Несмотря на все его слабости Штрейхер — человек, обладающий сильным духом»<sup>42</sup>. В феврале 1935 г. Гитлер посетил Нюрнберг, чтобы лично поздравить Штрейхера с 50-летием<sup>43</sup>. Немецкие антифашисты расценили этот визит как поддержку канцлером антисемитского курса Штрейхера<sup>44</sup>.

<sup>38</sup> Streicher mit den Nürnberger Gesetzen noch nicht zufrieden. — *Pariser Tageblatt*, 30.I.1935.

<sup>39</sup> *Roos D.* Op. cit., S. 298.

<sup>40</sup> *Корнев Н.* Третья империя в лицах. М., 1937, с. 445—447.

<sup>41</sup> *Дитрих О.* Двенадцать лет с Гитлером. М., 2007, с. 148.

<sup>42</sup> *Раушнинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993, с. 182.

<sup>43</sup> Adolf Hitler in Nürnberg. — *Völkischer Beobachter*, 13.II.1935.

<sup>44</sup> Hitler gratuliert Streicher. — *Pariser Tageblatt*, 12.II.1935.

## АНТИСЕМИТИЗМ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ

Штрейхер усиленно создавал миф о том, что до прихода нацистов к власти он был бескорыстным политическим борцом без гроша в кармане. До 1933 г. он действительно не обладал ценным имуществом, но отнюдь не бедствовал. Он получал не только прибыль от продажи «Штюрмера», но и учительскую пенсию, а также компенсации, полагавшиеся ему как члену городского совета и депутату ландтага. В 1927 г. его ежемесячный доход составлял 400 марок, что вполне позволяло вести безбедное существование. После установления нацистской диктатуры Штрейхер превратился в миллионера. В лучшие для него годы его доход превышал 2 млн марок, а стоимость его имущества возросла с 1 млн марок в 1938 г. до 2,2 млн в 1943 г.<sup>45</sup>

Прибыльным делом в Третьем рейхе оказалась не только разнузданная пропаганда антисемитизма, но и пребывание на руководящем партийном посту. Гауляйтер Нюрнберга не раз получал подарки в виде домов и земельных участков. В 1937 г. Штрейхер приобрел имение в Пляйскерхофе площадью около 35 гектаров, что по местным меркам превращало его в крупного помещика<sup>46</sup>. Поместье обошлось Штрейхеру в 205 тыс. марок, а расходы на его обустройство составили 1,3 млн марок. Эти гигантские траты вызвали в Нюрнберге озлобление. Люди говорили, что в Пляйскерхофе свиной хлев стоит намного дороже, чем жилой дом простого немца<sup>47</sup>. Как выяснилось после краха гитлеровского государства, только в Нюрнберге Штрейхер владел 13 домами, часть которых он приобрел через подставную фирму<sup>48</sup>.

Огромные материальные ценности Штрейхер получил в результате «ариизации» — узаконенного грабежа собственности немецких евреев. С его разрешения руководство гау Франкония вынудило многих богатых евреев продать партийным уполномоченным свои земельные участки, дома и магазины всего за 10% их действительной стоимости. В процессе купли-продажи собственники подвергались психологическому давлению, издевательствам и унижениям: их избивали, заставляли подолгу стоять лицом к стене, держать равновесие на одной ноге, приседать, выполнять наклоны. Таким путем еврейская собственность — около 800 предприятий в Нюрнберге и Фюрте стоимостью до 20 млн марок — попала в руки уполномоченных Штрейхера. Значительная доля имущества евреев была попросту присвоена функционерами режима, в частности самим гауляйтером. В ноябре 1938 г. он через подставное лицо приобрел за 5% реальной стоимости пакет акций велосипедной фабрики «Марс», которые оценивались в 112,5 тыс. марок. Бывший владелец акций, директор банковского дома Мартин Кон, по распоряжению Штрейхера был отправлен в концлагерь<sup>49</sup>.

Коррупция в среде региональных партийных руководителей процветала и прежде, не являясь секретом ни для берлинского руководства НСДАП, ни для населения. Но на этот раз расхищение имущества, которое должно было пополнить государственную казну, приобрело во Франконии такие масштабы, что 17 декабря 1938 г. начальник полиции Нюрнберга Бенно Мартин сообщил об этом в Главное управление имперской безопасности (РСХА) и попросил прислать комиссию для проверки<sup>50</sup>. Мартин и обер-бургомистр Нюрнберга Либель давно добивались отставки Штрейхера, обращаясь к Гессу, Борману, Герингу, Гимmlеру, Фрику. Однако каждый из них знал, что гауляйтеру Франконии покровительствует Гитлер, и не спешил ввязываться в конфликт. Наконец, чаша терпения нацистской верхушки переполнилась.

<sup>45</sup> *Roos D. Op. cit.*, S. 330.

<sup>46</sup> *Grossgrundbesitzer Streicher!* — *Neuer Vorwärts*, 30.V.1937.

<sup>47</sup> *IMT*, v. XXVIII, p. 148.

<sup>48</sup> *Streichers Vermögen beschlagnahmt.* — *Die neue Zeitung*, 17.XI.1949.

<sup>49</sup> *IMT*, v. XXVIII, p. 140–144.

<sup>50</sup> *Kuller Ch., Drecoll A. Inszenierter Volkszorn, ausgebliebene Empörung und der Sturz Julius Streichers. Reaktionen auf die wirtschaftliche Ausplünderung der deutschen Juden. — Skandal und Diktatur. Formen öffentlicher Empörung im NS-Staat und in der DDR.* Göttingen, 2004, S. 96.

Геринг, отвечавший за четырехлетний план и «ариизацию», направил в Нюрнберг специальную комиссию во главе с оберштурмбаннфюрером СС Йозефом Майзингером. Ее работа затянулась на несколько месяцев из-за саботажа должностных лиц гау Франкония. Все же Майзингер собрал материал и подготовил двухтомный доклад, вменив Штрейхеру в вину незаконное обогащение, мошенничество, использование в личных целях партийного имущества, принуждение подчиненных к даче ложных показаний комиссии, принуждение к самоубийству, «сексуально-патологическое поведение» и распространение заведомо ложной информации о рейхсмаршале Геринге<sup>51</sup>.

Гитлер решил дать ход делу. 16 февраля 1940 г. Высший партийный суд в Мюнхене признал Штрейхера «непригодным руководить людьми». Гитлеру ничего не оставалось, кроме как освободить своего протеже от руководства гау. При этом решение партийного суда считалось временным, официальной отставки не последовало и звание гауляйтера за Штрейхером было сохранено. Несомненно, опальный «фюрер Франконии» ждал возможности отомстить. Альберт Шпеер вспоминал: «Однажды во время Нюрнбергского процесса Штрейхер повернулся ко мне с выражением ненависти и злорадства, которое я не забуду до конца жизни, и процедил: “Я приказал укокошить твоего дружка Либеля, эту свинью, всего за несколько часов до прихода американцев!”»<sup>52</sup>

Штрейхер рассчитывал на совершенно иной исход партийного суда: он надеялся, что Гитлер не допустит его наказания. Бывшему гауляйтеру было запрещено появляться в Нюрнберге. Ему пришлось уединиться в поместье Пляйкерсхоф и заняться физическим трудом — сельским хозяйством и садоводством, разведением кроликов. Мясо, только крольчатину, он употреблял в пищу раз в неделю. Собственная пасека обеспечивала его медом. По указанию Гитлера в собственности опального гауляйтера оставались еженедельник «Штюмер» и издательство, продолжавшие приносить немалую прибыль. Он редактировал «Штюмер» и готовил для него статьи<sup>53</sup>. Штрейхер никуда не выезжал из своего имения, вел переписку лишь со своими сыновьями — больше никто писать ему не отваживался или не хотел. Наблюдение гестапо через некоторое время было снято, но гости в Пляйкерсхоф не навещались, поскольку Гесс не рекомендовал партийным функционерам наносить Штрейхеру визиты. Он ежедневно просматривал свежие газеты и слушал радио, читал исторические книги, в основном по римской истории и о Бисмарке, а в 1943–1944 гг. даже написал воспоминания. Досуг новоявленного помещика скрашивали три собаки: карликовый шпиц, такса и огромный сенбернар. Сенбернар был специально выдрессирован хозяином для нападения на евреев. Их время от времени специально доставляли в поместье по приказу Штрейхера. Он приглашал соседей и пытался убедить их в том, что собака распознает евреев по запаху. По словам очевидцев, подобные демонстрации не всегда проходили успешно<sup>54</sup>.

Гитлер, раздосадованный снятием Штрейхера с должности, заявил в декабре 1941 г.: «Нет никаких сомнений: полноценной замены Штрейхеру у нас нет! При всех слабостях, которые у него есть, больше нет такой полнокровной фигуры, как он; если мы не хотим лгать, то должны констатировать перед историей: национал-социалистического Нюрнберга не было бы, если бы не появился Юлиус Штрейхер... Конечно, руководство гау было не на высоте. Штрейхер — не чиновник. Если я применю масштаб административного чиновника, то он проиграл; но в 1919 году Нюрнберг для меня завоевал не партийный чиновник!.. Я констатирую только то, что не могу заменить Штрейхера... Моя совесть нечиста, когда я чувствую, что не вполне справедливо поступил с кем-то. Всякий раз, когда я приезжаю в Нюрнберг, у меня возникает горькое

<sup>51</sup> IMT, v. XXVIII, p. 140–154.

<sup>52</sup> Шпеер А. Шпандау: тайный дневник. М., 2014, с. 139.

<sup>53</sup> IMT, v. XII, p. 379–389.

<sup>54</sup> М. И. Der Hund “Streicher”. “Re-Education” eines deutschen Bernhardiners”. — Aufbau, 8.III.1946, S. 19.

чувство. Ведь люди непроизвольно говорят, что по сравнению с его заслугами причины отставки ничтожны!.. Однажды нужно подыскать какое-то подходящее решение. Невозможно, чтобы я устраивал съезд партии в Нюрнберге, а человек, завоевавший Нюрнберг для партии, стоял в стороне!»<sup>55</sup>

Однако сетования нацистского вождя не вылились в конкретный поступок. «Противоречивой натуре Гитлера было свойственно горевать даже в тех случаях, когда он легко мог все изменить — стоило только отдать приказ. Одного слова Борману было бы достаточно, чтобы восстановить Штрейхера на посту гауляйтера», — отмечал рейхсминистр вооружений Альберт Шпеер<sup>56</sup>. По указанию Гитлера в июне 1944 г. Штрейхера посещали в Пляйкерсхофе глава Трудового фронта Роберт Лей и министр пропаганды Йозеф Геббельс. Штрейхер очень гордился этим и рассказал о визите судьям Нюрнбергского Трибунала и американскому психиатру Г. Гилберту: «Он присылал ко мне Лея и Геббельса, чтобы те выслушали меня на предмет того, нет ли у меня каких-либо пожеланий. Я им сказал (театральный жест): “Доложите моему фюреру, что у меня нет других пожеланий, кроме одного — умереть рядом с ним, постигни нашу отчизну катастрофа!” — Выдержав соответствующую паузу, Штрейхер добавил: — Не могу описать, как это его впечатлило»<sup>57</sup>.

### НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ В НЮРНБЕРГЕ

В конце марта 1945 г. Штрейхер решил поехать в Нюрнберг, чтобы принять участие в обороне города и погибнуть в бою, но Геббельс приказал ему находиться в Мюнхене. 30 марта 1945 г. опальный гауляйтер, овдовевший два года назад, женился на своей секретарше Адель Меркель. Он подумывал о самоубийстве и даже приказал приготовить могилу для себя и своей жены, однако передумал и сбежал из Франконии. По завершении боев он под чужим именем, отрастив бороду и сделав повязку на глаз, попытался скрыться сначала в Южной Баварии, а потом в Тироле. Нюрнбергскому Трибуналу он пояснил: «Я проповедовал свои взгляды на мир в течение 20 лет. Я не хочу кончать жизнь самоубийством. Что бы ни случилось, я, как фанатичный приверженец истины, буду проповедовать свою правду до самого конца»<sup>58</sup>. 22 мая 1945 г. Штрейхер был опознан местными жителями и арестован майором 7-й американской армии Генри Плиттом неподалеку от Берхтесгадена<sup>59</sup>.

Штрейхеру предстояло стать одним из обвиняемых на процессе над главными нацистскими преступниками. По решению союзников, на первом судебном процессе скамья подсудимых должна представлять все звенья механизма нацистского государства: самых главных лидеров гитлеровской Германии, главных руководителей нацистской дипломатии, высшее командование вермахта, экономических руководителей, основоположников зверского режима на оккупированных территориях. Верхушку нацистских идеологов олицетворяли Розенберг и Штрейхер<sup>60</sup>.

Открытие судебного процесса было назначено на 20 ноября 1945 г. Обвиняемых стали собирать сначала в лагере Мондорф на территории Люксембурга, а затем перевели в тюрьму Нюрнберга. Здесь Штрейхер «постоянно просил небольших поблажек вроде удлинения прогулок, увеличения сладостей или шоколада в своем питании, уменьшения шума от охранников... У меня всегда было ощущение, — пишет американский тюремный психиатр Леон Голденсон, — что на самом деле его не слишком беспокоило удовлетворение этих просьб, просто они были частью его

<sup>55</sup> *Hitler A. Monologe im Führerhauptquartier 1940–1944. Aufgezeichnet von Heinrich Heim. München, 2000, S. 158–160.*

<sup>56</sup> *Шпеер А. Указ. соч., с. 138.*

<sup>57</sup> *Гилберт Г. Указ. соч., с. 9.*

<sup>58</sup> *IMT, v. XII, p. 310.*

<sup>59</sup> *Арест гитлеровца Штрейхера. — Известия, 25.V.1945.*

<sup>60</sup> *Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1983, с. 311.*

навязчиво-маниакальной природы, и таким образом он пытался избежать серьезного обсуждения своего детства и воспитания, своей реальной деятельности и своих взглядов»<sup>61</sup>. В камере Штрейхер проводил время, складывая головоломки из спичек<sup>62</sup>, а по ночам часто громко кричал<sup>63</sup>. Среди обвиняемых он оказался в изоляции: никто не хотел разговаривать с ним, совместно принимать пищу, сидеть рядом на судебных заседаниях.

Тюремные психиатры единодушно утверждали, что бывший издатель «Штюрмера» был одержим антисемитизмом. Доктор Гилберт пишет, что эта «навязчивая идея давала о себе знать почти в каждой из бесед с ним в камере еще до начала процесса. Штрейхер считал своим долгом убеждать на предмет его компетентности в области антисемитизма каждого посетителя своей камеры, причем помимо своей воли скачиваясь при этом на похабно-эротическую или богохульную тематику, по-видимому, более всего вдохновлявшую его»<sup>64</sup>. Другой психиатр, Дуглас Келли, пришел к выводу, что антисемитизм Штрейхера с медицинской точки зрения был параноидной реакцией. Он «создал для себя систему догматов веры, которые при поверхностном рассмотрении казались логичными, но были основаны только на его личных чувствах и предрассудках, а не на объективных фактах. Эту систему он разработал и осуществил настолько основательно, что сам твердо верил в это. Во время моих бесед со Штрейхером оказалось невозможным общаться в течение нескольких минут, чтобы он не начинал обсуждать “еврейский вопрос”. Он постоянно думал о еврейском заговоре. Двадцать четыре часа в сутки каждая его идея и каждое его действие вращалось вокруг этой идеи»<sup>65</sup>.

18 октября 1945 г. Штрейхеру, как и остальным обвиняемым, было вручено под расписку обвинительное заключение. Он обвинялся по пунктам 1 и 4 — в преступлениях против мира и против человечности. В документе говорилось, что он использовал занимавшиеся им посты, а также «свое личное влияние и тесную связь с фюрером таким образом, что он содействовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией... санкционировал, руководил и принимал участие в преступлениях против человечности... включая в особенности подстрекательства к преследованию евреев»<sup>66</sup>. На копии обвинительного заключения Штрейхер написал: «Этот процесс — триумф мирового еврейства»<sup>67</sup>. Получив список 44 адвокатов, среди которых были и еврейские фамилии, он съезвил: «Я не могу просить, чтобы еврей защищал меня. Я не знаю этих джентльменов»<sup>68</sup>. Адвокатом Штрейхера стал юрист из Нюрнберга Ганс Маркс. 5 ноября 1945 г. он, единственный из адвокатов, попросил отсрочить начало судебных заседаний, мотивируя это необходимостью ознакомиться с материалами и разыскать свидетелей защиты. Главные обвинители от США и Великобритании Роберт Джексон и Хартли Шоукросс высказались против отсрочки, заявив, что к защите можно подготовиться и во время процесса<sup>69</sup>.

Тогда на предварительном заседании Трибунала 15 ноября 1945 г. Маркс внес предложение о проведении психиатрической экспертизы своего подзащитного. Эту просьбу поддержал заместитель советского главного обвинителя Ю.В. Покровский. Он отметил, что у советского обвинения возникли сомнения в психическом здоровье Штрейхера после одного из допросов, когда обвиняемый заявил, что «придерживался

<sup>61</sup> *Голденсон Л.* Нюрнбергские интервью. Екатеринбург, 2008, с. 372–373.

<sup>62</sup> *Шнеер А.* Указ. соч., с. 33.

<sup>63</sup> *Папен Ф.* Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. М., 2005, с. 539.

<sup>64</sup> *Гилберт Г.* Указ. соч., с. 8.

<sup>65</sup> *Roos D.* Op. cit., S. 156.

<sup>66</sup> IMT, v. I. Nürnberg, 1947, p. 77.

<sup>67</sup> *Гилберт Г.* Указ. соч., с. 340.

<sup>68</sup> *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975, с. 179.

<sup>69</sup> IMT, v. I, p. 148–151.

сионистской точки зрения». Покровский считал, что обращение к экспертам уже в ходе заседаний Трибунала затормозит его работу. В то же время в распоряжении Трибунала имеются необходимые специалисты в области психиатрии, которые уже проводили экспертизу в отношении Рудольфа Гесса. Будучи признанным вменяемым, Штрейхер не сможет избежать персональной ответственности за совершенные им преступления<sup>70</sup>. Медицинская комиссия установила, что обвиняемый находится в здравом уме; способен предстать перед Трибуналом и осуществлять свою защиту; находится во вменяемом состоянии и поэтому он может понимать все, что он делал в течение времени, охваченного обвинительным заключением<sup>71</sup>.

Тем временем Штрейхер был одержим манией поиска и распознавания евреев. Ему казалось, что они — всюду, что они буквально заполонили здание суда и здание тюрьмы. Вечером 21 ноября 1945 г. он доверительно сообщил Гилберту: «Я уже заметил — трое из судей — евреи... Я умею определять кровь. Этой троице не по себе, когда я на них смотрю. Я это вижу. Я двадцать лет потратил на изучение расовой теории. Характер познается через комплекцию»<sup>72</sup>. В апреле 1946 г. Штрейхер сказал тюремным психиатрам, что среди представителей обвинения — «еврей на еврее». А настоящая фамилия обвинителя Джексона — «какой-нибудь Якобзон»<sup>73</sup>. Голденсон сделал такую запись об этом разговоре: «Это Якобсон. Он может называть себя Джексоном, но для меня он Якобсон и еврей. Кроме того, это легко определить, посмотрев на него... Последние несколько месяцев я наблюдал, как он ходит, наблюдал за его лицом, и он точно Якобсон, возможно, происходит от немецких евреев»<sup>74</sup>. О степени достоверности заключений Штрейхера свидетельствуют воспоминания одной учительницы: «Однажды Штрейхер приехал в школу “Лабенвольф”. Вместе с ним приехал фотограф. Он осмотрелся в классе и моментально подошел к миловидной, светловолосой голубоглазой девушке, которая показалась ему воплощением немецкой девушки. Он собирался издать альбом, в котором были бы сфотографированы только миловидные немецкие девушки. Фотограф сделал снимок. Директор отвел Штрейхера в сторону и тихо сказал ему на ухо, что он как назло выбрал еврейку. Конечно, эта фотография не попала в фотоальбом немецких девушек. Класс ухмылялся»<sup>75</sup>.

Победители не оставались в долгу и с полным основанием видели в Штрейхере неисправимого антисемита, страстного поклонника порнографии, развратника, похотливого извращенца, помешанного на сексе. В этом были уверены, в частности, капитан американской армии Джон Долибуа, английская писательница Ребекка Уэст. Советские журналисты, аккредитованные на процессе, в один голос утверждали, что Штрейхер — растлитель малолетних<sup>76</sup>. Недостоверная информация о том, что Штрейхер растлевал малолетних «арийских» девочек, еще в 1930-е годы распространялась в Швейцарии, Польше, Франции<sup>77</sup>, встречалась в советской публицистике<sup>78</sup> и восходит, по-видимому, к пропаганде немецких антифашистов, которые еще до прихода Гитлера к власти нередко бросали своим политическим противникам обвинения в сексуальных преступлениях или извращениях. В репортажах с Нюрнбергского процесса советские журналисты сообщали, что в отношении Штрейхера «в том же Нюрнберге двадцать лет тому назад велось следствие о растлении им малолетней»

<sup>70</sup> Ibid., v. I, p. 152, v. II, p. 22–25.

<sup>71</sup> Ibid., v. I, p. 154.

<sup>72</sup> Гилберт Г. Указ. соч., с. 35.

<sup>73</sup> Там же, с. 360.

<sup>74</sup> Голденсон Л. Указ. соч., с. 378.

<sup>75</sup> Pöggeler F. Op. cit., S. 51–52.

<sup>76</sup> Крушинский С. Из жизни двуногих. — Комсомольская правда, 14.XII.1945; Трайнин А. Защища, ее свидетели и документы. — Правда, 1.IV.1946.

<sup>77</sup> Julius Streicher. — Pariser Tageblatt, 26.V.1934.

<sup>78</sup> Корнев Н. Указ. соч., с. 451.

(И. Эренбург)<sup>79</sup> или даже, что он «судился 12 раз за все виды распутства» (Л. Леонов)<sup>80</sup>. Версия советской пропаганды о том, что Штрейхер — насильник и растлитель, позднее воспроизводилась в воспоминаниях участников Нюрнбергского процесса<sup>81</sup> и советской научной литературе<sup>82</sup>.

### «РАЗУМЕЕТСЯ, СМЕРТНАЯ КАЗНЬ!»

На заседаниях Трибунала 10 и 11 января 1946 г. британский обвинитель Дж.М. Гриффит-Джонс представил доказательства вины главного нацистского антисемита, завершив свое выступление выводом: «Задача воспитания немецкого народа в духе ненависти к евреям была выполнена Штрейхером. В течение 25 лет он последовательно продолжал воспитание в таком духе народа и молодежи Германии. Он продолжал свою деятельность и после того, как убедился, к каким результатам приводит его работа. Сначала он проповедовал преследование, затем начал проповедовать истребление и убийство. В этом отношении его преступление идет гораздо дальше, чем преступление кого-либо из других подсудимых»<sup>83</sup>. Адвокат Штрейхера Маркс не считал нужным опровергать обвинения по пункту 1, слабо подкрепленному доказательствами. В качестве свидетелей защиты он предложил вызвать шестерых человек, которые могли свидетельствовать в пользу подсудимого по пункту 4: жену Адель и старшего сына Лотара, личного шофера Фрица Геррверта, бывшего главного редактора «Штюрмера» Эрнста Гимера, бригадефюрера СА в Нюрнберге Филиппа Вюрцбахера и адвоката Фридриха Штробеля. Они должны были дать показания об отношении Штрейхера к «еврейскому вопросу» и доказать, что он был против погрома в ноябре 1938 г. Было решено, что сын Штрейхера не будет выступать устно, а ограничится аффидевитом — письменными показаниями под присягой<sup>84</sup>. По сравнению с другими обвиняемыми, список свидетелей защиты нюрнбергского антисемита был невелик. Подсудимый Фриц Заукель просил вызвать 13 свидетелей, Яльмар Шахт — 10, Ганс Франк и Иоахим фон Риббентроп — по 9<sup>85</sup>.

Выступая с защитительной речью, Штрейхер обрушился с критикой на своего адвоката, который якобы не использовал все документы, указанные ему обвиняемым, и заявил, что Маркс не способен вести защиту. Он с гордостью и в радужных красках рассказал, как впервые услышал выступление Гитлера, познакомился с ним и передал ему свою партию. Затем последовал рассказ об участии в мюнхенском путче 1923 г. Штрейхер заявил, что преднамеренно дал своей газете подзаголовок «Еженедельник борьбы за правду» и что 80–90% всего написанного в «Штюрмере» было правдой. Выступавшего незадолго до того свидетеля Ганса Гизевиуса он назвал предателем<sup>86</sup>. «Пока Штрейхер произносил свою речь, — свидетельствует Гилберт, — с лица судей не исчезало выражение насмешливой иронии. Со скамьи подсудимых то и дело раздавались явственные неодобрительные реплики. Геринг сидел, демонстративно уперев ладони в виски, напоминая тяжело больного. Дениц, прикрыв глаза, безразлично покачивал головой»<sup>87</sup>.

29 и 30 апреля 1946 г. Гриффит-Джонс и Маркс провели перекрестный допрос Штрейхера. Обвиняемый то и дело отклонялся от темы, сбиваясь на антисемитскую

<sup>79</sup> Эренбург И. Мораль истории. — Известия, 1.XII.1945.

<sup>80</sup> Леонов Л. Фашистский змий. — Правда, 2.XII.1945.

<sup>81</sup> Полторак А.И. Указ. соч., с. 62.

<sup>82</sup> Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991, с. 60.

<sup>83</sup> Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. — Правда, 12.XII.1946.

<sup>84</sup> IMT, v. VIII. Nürnberg, 1948, p. 533–538.

<sup>85</sup> Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. — Известия, 7.III.1946; Трайнин А. Этапы Нюрнбергского процесса. — Правда, 15.XII.1945.

<sup>86</sup> IMT, v. XII, p. 305–316.

<sup>87</sup> Гилберт Г. Указ. соч., с. 257.

агитацию. Он заявил, что впервые услышал о массовых убийствах евреев, только когда был арестован союзниками. Если бы ему сказали раньше, что убиты 2 или 3 млн человек, то он не поверил бы, предполагая, что это технически невозможно. Содержание статей «Штюрмера» не могло воспитывать из немцев убийц. Он, Штрейхер, не оказывал влияния на Гитлера, который отдал приказ о массовых убийствах по собственной инициативе. Штрейхер доказывал, что распорядился разрушить синагоги в Нюрнберге и Фюрте «из чисто архитектурных соображений». По его словам, он читал об уничтожении евреев в зарубежных газетах, но не верил в это. Он утверждал, что призывал искоренять еврейский народ, «но не в буквальном смысле». Штрейхер заявлял, будто вообще ничего не знал о геноциде еврейского народа и хотел лишь удалить «чужаков» из страны. Однако уже в ходе допроса информированность Штрейхера о массовом уничтожении европейских евреев была неопровержимо доказана<sup>88</sup>.

Никакой помощи обвиняемому не оказали и допросы свидетелей, к которым большинство присутствующих в зале судебных заседаний относились с нескрываемой антипатией. Например, советская переводчица-синхронистка Т.С. Ступникова описывала 40-летнюю жену Штрейхера как «хорошенькую, юную, пышущую здоровьем блондиночку в длинном платье из красного бархата», которая не смогла привести никаких фактов, смягчающих вину супруга. «Оставалось предположить, — продолжала Ступникова, — что Штрейхер вызвал жену для того, чтобы ее привлекательная внешность и молодость оказали на решение высокого суда смягчающее действие»<sup>89</sup>. Не увенчалась успехом и попытка Маркса доказать, что «Штюрмер» был малозначимой газетой, а Штрейхер призывал не к физическому уничтожению евреев, а к их переселению на Мадагаскар. Столь же неубедительными были слова адвоката о том, что ни Гитлер, ни немецкий народ не воспринимали обвиняемого всерьез и что он лишь смутно догадывался об убийстве евреев, не имея к нему никакого отношения<sup>90</sup>.

В приговоре Международного Военного Трибунала, оглашенном 1 октября 1946 г., констатировалось, что Штрейхер не принадлежал к близкому кругу советников Гитлера, не был связан с планированием войны и не был осведомлен о военных планах нацистского вождя. Это снимало со Штрейхера обвинения по первому пункту. Однако Трибунал посчитал убедительно доказанными совершенные им преступления против человечности. «За 25 лет, в течение которых Штрейхер говорил и писал о ненависти к евреям и проповедовал эту ненависть, он стал широко известен как “антисемит № 1”. В своих речах и статьях, неделя за неделей и месяц за месяцем, он отравлял сознание германского народа ядом антисемитизма и подстрекал его к активным преследованиям евреев», — гласило обвинительное заключение Нюрнбергского Трибунала<sup>91</sup>. Штрейхер был признан виновным по разделу четвертому обвинительного заключения и приговорен к смерти через повешение.

Во время оглашения приговора, вспоминал писатель Борис Полевой, Штрейхер сидел, скрестив руки, и взгляд его блуждал, как у сумасшедшего. Советский писатель запомнил его и в тот момент, когда чтение итогового документа Нюрнбергского процесса закончилось: «Юлиус Штрейхер... кажется вовсе помешанным. Глаза его дико вращаются, вены надулись на висках, с губы течет слюна. Омерзительно!»<sup>92</sup> Советский юрист А.И. Полторак тоже обратил внимание, что «Штрейхер скрестил руки и, пожалуй, впервые за все месяцы процесса не жует резинку». Полторак хорошо запомнил момент, когда председатель зачитывал последний, резолютивный раздел приговора, а обвиняемых вводили в пустой зал по одному: «Вслед за Франком входит, а точ-

<sup>88</sup> ИМТ, v. XII, p. 317–378.

<sup>89</sup> Ступникова Т.С. Ничего, кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. М., 2003, с. 38.

<sup>90</sup> ИМТ, v. XVIII. Nürnberg, 1949, p. 190–220.

<sup>91</sup> Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, в 7-ми т., т. 7. М., 1961, с. 463.

<sup>92</sup> Полевой Б.Н. Указ. соч., с. 533, 535.

нее, вбегает Юлиус Штрейхер. Широко расставив ноги и вытянув вперед голову, этот погромщик и растлитель душ тысяч и тысяч немцев производит впечатление человека, ожидающего удара. И он получает его»<sup>93</sup>.

Возможно, эта картина несет отпечаток тенденциозности. Свидетельства советских очевидцев расходятся с впечатлением, которое Штрейхер произвел в тот же день на Гилберта, зашедшего к нему в камеру. Он «глумливо посмеивался» и говорил: «Разумеется, смертная казнь! Чего еще можно было ожидать! Да и они с самого начала это знали»<sup>94</sup>. Уверенность в том, что ему будет вынесен смертный приговор, Штрейхер неоднократно выражал как в своем дневнике, так и в письмах жене. В одной из дневниковых записей за июль 1946 г. сказано: «Я знаю: мне еще предстоит пережить мучения. Но вы должны навсегда запомнить: я не уйду добровольно из этой жизни. Если однажды до вас дойдет новость о том, что я найден мертвым в камере или даже что я повесился, вы знаете настоящих преступников. Моей миссией было и остается выстоять, взять на себя крест и — если так должно случиться — закончить свои дни как жертва нового Пурима»<sup>95</sup>.

Штрейхер категорически отказался от подачи просьбы о помиловании, заявив, что такой шаг унизил бы память о нем. Так же поступили Геринг, Франк и Константин фон Нейрат. Апелляции, поданные их адвокатами без согласия приговоренных, Контрольный Совет союзников отклонил<sup>96</sup>. Узнав, что адвокат все же подал апелляцию и она была отклонена, Штрейхер написал жене: «Для меня было бы позором, если бы кто-то мог сказать над моей могилой, что я просил победителей о помиловании. Я смело ухожу из этой жизни»<sup>97</sup>. От последнего свидания с женой он отказался, чтобы не причинять ей лишней боли. Перед казнью Штрейхеру была разрешена встреча со старшим сыном Лотаром — бывшим офицером люфтваффе. Свидание было сокращено до 45 минут, потому что Штрейхер отказался подать апелляцию<sup>98</sup>.

16 октября 1946 г. в 2 часа 14 минут Штрейхер был повешен — седьмым из десяти приговоренных к смерти. Он оказался единственным из приговоренных, кто в последние минуты жизни думал о Гитлере. Накануне казни он сказал тюремному парикмахеру Виткампу: «Я мужественно поднимусь по ступеням. Мои последние слова уже готовы: “Вас повесят большевики” и “Хайль Гитлер”»<sup>99</sup>. Однако когда за ним пришли, он сначала отказался одеваться и его пришлось заставить облачиться в поношенный костюм и голубую рубашку, которую он застегнул на все пуговицы. В день казни был Пурим — один из главных священных дней по иудейскому календарю, напоминающий об изгнании иудеев из Персии. Штрейхер выкрикнул: «Хайль Гитлер! Сегодня у вас тут веселое еврейское празднество? Но все же это мой, а не ваш Пурим! Настанет день, когда большевики перевешают многих, очень многих из вас!» Палач Трибунала сержант армии США Джон Вуд, рассказывал, что «перед казнью преступники вели себя достойно. Один лишь Штрейхер устроил истерику, и его пришлось тащить к виселице силой». Все нацистские руководители «оказались очень живучими», некоторые «мучились в петле по несколько минут, а Штрейхера пришлось руками додушить»<sup>100</sup>. Истерические крики Штрейхера были зафиксированы и в официальном сообщении, написанном для «Правды» фото-корреспондентом В.А. Теминым — одним из двух советских журналистов, допущенных

<sup>93</sup> Полторак А.И. Указ. соч., с. 398, 402.

<sup>94</sup> Гилберт Г. Указ. соч., с. 380.

<sup>95</sup> Roos D. Op. cit., S. 495.

<sup>96</sup> Ходатайства главных немецких военных преступников о помиловании отклонены. — Правда, 11.X.1946.

<sup>97</sup> Roos D. Op. cit., S. 498.

<sup>98</sup> Звягинцев А.Г. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. М., 2006, с. 1078.

<sup>99</sup> Roos D. Op. cit., S. 29.

<sup>100</sup> Гофман И.Д. Нюрнберг предостерегает. Полтава, 2007, с. 287.

на казнь<sup>101</sup>. Своему другу Полевому он рассказал: «Там ведь хитро вешали, не то что гитлеровцы наших. Наденут веревку, нажмут рычаг — и преступник проваливается в люк помоста. Как он там задыхается, не видно, только веревка подрагивает. Этот Вуд потренировался, должно быть, — ловко это у него получалось; за полтора часа со всеми десятью разделался — мастер. Когда они проваливались, их там снимали с петли, врач констатировал смерть, и их клали за занавеской в черные ящики. И каждому на грудь табличку с фамилией. Когда со всеми управились, нас, прессу, пустили посмотреть. Фотографировать разрешили»<sup>102</sup>. Словно по иронии истории, многотомный доклад Международного Военного Трибунала был распечатан в Нюрнберге на тех самых печатных станках, которые раньше тиражировали штрейхеровский «Штюрмер». Поместье Пляйкерсхоф было приспособлено для реабилитации евреев, уцелевших после Холокоста и готовившихся к переезду в Палестину<sup>103</sup>. В 1949 г. по решению суда были конфискованы 13 домов в Нюрнберге, прежде принадлежавших Штрейхеру<sup>104</sup>.

Появление в нацистской партии такого человека, как Штрейхер, было закономерным. Его жизненный путь и убеждения точно соответствовали параметрам средне-статистического национал-социалиста начала 1920-х годов: выходец из среднего сословия, учитель по профессии, ровесник Гитлера, ветеран Первой мировой войны, ненавидящий демократическую республику и левые силы, церковь и больше всего — евреев. Не признающий границ нравственности, норм морали и правил приличия, Штрейхер идеально подходил для пропаганды новейшей разновидности юдофобии — расово-биологического антисемитизма. В отличие от других нацистских пропагандистов и идеологов, он мог проповедовать антисемитские идеи в их вульгарном, погромном, порнографическом варианте. Именно в такой форме расовое учение больше всего подходило для идеологической обработки большой группы немцев, которые не отличались высоким уровнем образования и культуры, не умели самостоятельно мыслить, не читали серьезных книг и «толстых» газет, но были озлоблены экономическими потрясениями и страдали от национального унижения Германии после Первой мировой войны. Вероятно, умение Штрейхера эффективно натравливать немецкого обывателя на евреев, взваливая на них всю «вину» за проблемы и трудности жизни в послевоенной Германии, долгие годы обеспечивало ему поддержку Гитлера — фанатичного антисемита, стоявшего во главе мощного радикального движения. Но это же качество обуславливало и границы влияния нюрнбергского юдофоба. Сфера его административной власти никогда не выходила за пределы небольшой территории Франконии; после 1933 г. он не получил никакого значимого государственного поста и не привлекался к выработке государственной и партийной политики, в том числе антисемитской.

До конца своих дней Штрейхер оставался убежденным расистом, отвратительным не только для антифашистов, но и для многих простых немцев, не поддавшихся антисемитской пропаганде. Смертный приговор, вынесенный «врагу евреев номер один» Международным Трибуналом в Нюрнберге, одновременно был приговором человека-ненавистнической нацистской идеологии и преступной расовой политике Третьего рейха.

<sup>101</sup> *Темин В.* Казнь главных немецких военных преступников. — Правда, 17.X.1946.

<sup>102</sup> *Полевой Б. Н.* Указ. соч., с. 539–540.

<sup>103</sup> *Die Leiterin des "Kibbuz Streicher".* — Aufbau, 8.III.1946, S. 19.

<sup>104</sup> *Streichters Vermögen beschlagnahmt.* — Die neue Zeitung, 17.XI.1949.